

Алексей Абрамович
За тебя, доброта!

// Абрамович А.Ф. Романтика мужества. Очерки творчества кузбасских писателей.

– Кемерово: Книжн. изд., 1975. – С.152-177.

Выходом первой книги «Перецвет» в 1966 году заявил о своем появлении в Кузбассе поэт И. Киселев. В сборнике отразилась пора первых дерзаний, а на путях поисков люди и оступаются, и ошибаются, и частенько «идут во тьме». Неизбежная слабость первоначальных опытов поэта выразилась в создании так называемых необязательных стихов, то есть таких, без которых поэзия ничего не потеряла бы и от которых ничего не выигрывала. То было либо повторение пройденного или найденного другими, либо по неопытности нечто художественно несовершенное.

«Ничего написано, но, правда, где-то уже читал это», - могли бы сказать читатели о стихотворении «Не о любви... Не о тоске...» на тему о том, как было холодно в Москве, когда уезжала любимая лирического героя. У Игоря Киселева холод - символ горького расставанья, стужа царит на дворе и в сердце героя. Не очень богатая и далеко не самостоятельная мысль! Конечно, она расцвечена подробностями: на холоде визжали тормоза и птицы падали замерзшими комками. Некоторые детали были интересными: мороз «искрился, рос, он шел татарским игом».

Но этого мало, очень мало для искусства, потому что поэт не внес ничего своего, не обогатил нашего эстетического познания чем-то новым, своеобразным, можно сказать, «киселевским». Речь шла о недостатках стихотворения лирического. А в «Стихах о Кулунде», эпических по манере, необязательность, вторичность изображаемого еще видней. Сколько произведений прочли мы по поводу целины, что само по себе несколько не дискредитирует ни ее, ни поэзию, и выработавшиеся штампы в заурядных стихах, усвоенные и Игорем Киселевым, лежат уже вне поэзии. Поэт сопоставляет борьбу за целину с атакой. Это уже было. Поэт повествует о том, как в итоге нешуточного труда выступала соль на гимнастерках. И это было. О дружбе людей, спянных общим трудом - было. Все было, обо всем можно прочесть в стихах, появившихся до выступлений Игоря Киселева. Необязательность содержания произведения особенно убедительно выступает в таком описании: «Хлебов поднимая массивы, лугами ложась под стада, она напрягает все силы - степная страна Кулунда». Поставьте вместо Кулунды какое-либо другое географическое обозначение - ничего не изменится.

Есть в первом сборнике Игоря Киселева и другие произведения, не доказавшие своего права на принадлежность к поэтическому «цеху» и вследствие «повторности», и из-за отсутствия оригинальных художественных достоинств: «А вы? Вы любите дорогу?», «Апрель», «К вершинам утро прикасалось...», «Повороты света», «Осень». Очень скоро их слабости стали видны и самому поэту. Он не включил их во вторую книгу

стихов.

Вот о лучших стихах, провозвещающих рождение поэта, и следует сказать. Нетрудно понять, почему Игорь Киселев стал поэтом. Ему было что сказать людям, его переполняли чувства, требующие общения с другими людьми. Вполне понятно, что его, нашего современника, волнует все на свете, и прежде всего дела и дни своей родины, ее герои, их содружество, их труд, вся их многообразная жизнь. Но если искать ответа на вопрос, что неодолимо влекло поэта к людям, то он дан самим поэтом в предельно простом выражении: «Я стою за тебя, доброта!» Вот эта тема доброты, гуманизма и стала поэтическим кредо Игоря Киселева. Без доброго отношения к людям вообще нет поэзии. Все дело в том, какого свойства и качества доброта наполняет сердце художника, какими гранями она проступает в его произведениях.

Об этих гранях и оттенках сказано в программном можно сказать, стихотворении «Доброта». Поэт, еще не раскрывая скобки над этим емким словом, уже рисует ее в своем представлении как образ женщины, наделенной ценнейшим даром: доброта трудолюбива, она старательно и терпеливо совершает свое дело, и не всегда ее ждет удача. Она стоит перед поэтом в человеческом образе всем нам близком. Когда у нее не все идет на лад,

Она тогда в платочек плачет
Наивно, горестно, всерьез.
И отвернувшись, слезы прячет
И пудрит покрасневший нос.

Но не успев покончить с болью,
Ни для кого не заперта,
Она опять готова к бою,
Опять в атаке доброта.

Такую олицетворенную в образе человека доброту воспевают лирический герой поэта, и его образ в стихотворении тоже дан живым и непосредственным: человек то падает, то поднимается, то силен, то слаб, и все же доброта никогда не лишает его своей заботы, и всепобеждающими, все ярче светящимися в его душе оказываются зерна прекрасного и благородного. Еще нет в строках Игоря Киселева четкой определенности, еще слишком общим представляется понятие «доброта», но поэтическое уже проявляется в той мере, в какой проступают черточки оригинальной образности, личностного подхода к теме.

Стихи о добром, человеческом, сердечном не покидают поэта и уже в первой книге кристаллизуют тему, придают ей все новые и новые оттенки. Общественные, гражданственные мотивы проступают в произведениях Игоря Киселева очень тонко, однако они без особого труда расшифровываются читателями и знакомят их с выводами, которых поэт явно не предлагал, но которые вполне свободно и естественно вылились из

содержания: в нашем мире не может быть людей-одиночек, наслаждающихся своей отрешенностью от других, своей гордой отчужденностью, себялюбием, противопоставлением себя обществу. Отсюда естественный прорыв поэта в мир политики, но она освоена не такими прямолинейными способами, как в «Стихах о Кулунде».

Нет мира без единения людей, без пожатия дружеской руки, без соучастия в беде и радости. Так утверждает поэт в стихотворении «Когда горит и светится страница...». Горячность, с которой выступает поэт, подчеркивает, как важно для него и для его героев такое убеждение, как оно помогает жить: «Пустите, люди! Отворите души! Вы слышите - я в души к вам стучусь!» Тема развивается, обогащается новыми смысловыми интонациями, выступает в новых сюжетных положениях: человек строит свой дом, живет в нем со своей семьей, утверждает свое бытие за четырьмя стенами. Только не получается так, чтобы жил человек отдельно от других, сосредоточиваясь на самом себе. Вот почему поэту представляется дом его героя стеклянным - сквозь такие стены видится все вокруг и все люди оказываются связанными неразрывными узами общих забот и дел, все образуют один товарищеский круг и у каждого - кровный интерес к другим: «не знаю, где моя беда, а где - чужая» (стихотворение «Не знаю, отчего...»).

Чувства поэта в таких произведениях совершенно открыты людям, как и чувства людей открыты ему. В каждом из таких стихотворений слово и в самом деле просится в поэзию, освещенное верной мыслью, и слова естественно ложатся в строки. Были в сборнике «Перецвет» и другие удачи. Так, среди «обыкновенных», довольно безличных пейзажных стихов («Апрель», «Тулинка», «Дом на разъезде» и др.) мы находим отличное в целом произведение «Четыре дождя», не случайно давшее впоследствии название третьей книге поэта. В целом - потому что и в нем заметны издержки ищущего собственный голос художника и не всегда замечающего слабость отдельных слов и выражений вроде характеристики дождя, «не без шика» повисшего над синей водой, дождя, который «навзрыд и навывлет» свергается «вблизи и вдали» и четвертого дождя, который рухнет, «кончая веселые угли в моем запоздалом костре».

Зато в большинстве строк поэт преодолел влечение к пейзажу «вообще», впечатление от которого выражено либо инертно, либо неверно. Есть что-то от фольклора в образе «четырёх дождей». Над некоторыми придуманными деталями преобладают действительно образные, осязаемые и представляемые приметы: пролившийся дождь «качнется упругой кувшинкой и звездам подставит ладонь» или такое предназначение дождя - «стекать ему смуглой корою наполненных светом берез». Пейзаж такого рода провозвещал многое, он привел поэта к представлению о том, как нужно учиться мастерству. С «Четырьмя дождями» перекликаются этими признаками и такие стихотворения, как «Гроза», «Утро», «Перецвет».

Таково впечатление от первой книги Игоря Киселева, впечатление

противоречивое. Не было поэта, сразу же, с первого «захода» взявшего большие высоты мастерства. Но уже было два залога, обещавших немало в будущем. Ему, повторяем, было что сказать и часто открывалось, как сказать, он рано понял свои слабости и необходимый путь. Само собой разумеется, что все это не избавляло его от новых противоречий.

Может показаться странным, что автор первого сборника стихов, частенько далеко несовершенных, предлагает читателям стихи о стихах, то есть произведения, посвященные самому процессу художественного творчества. Не рано ли? Не стоило ли подождать, пока накопится поэтический опыт и будет о чем поведать читателям и своим собратям по перу? Нет, не рано. Игорь Киселев писал и одновременно выяснял для себя - куда и как идти. Многие он понимал еще неверно, а кое в чем был наивен и мыслил облегченно. Обращаясь к теме творчества, он учился постигать его своеобразие.

Любовь к природе, ее познание, как верно думал поэт, рождает вдохновение: «Как дышится в лесу!.. Как слышится в лесу!.. Как пишется в лесу!» (стихотворение «В лесу»). «Светло и горько пахнут летом негромкие стихи» («Повороты света»). Познание людей еще важнее - они и прежде всего они вторгаются в мир поэта, заполняют его сердце. Понимание поэзии как человековедения, общественное назначение искусства выражено совершенно верно в стихотворении «Когда горит и светится страница...»:

Прислушайтесь: не ветер хлопнул ставней,
Не гром столкнул над крышей облака,
То встречи ждет обещанной и давней,
Моя без вас ненужная строка.
Что там за дверью? Праздник или будни?
Я шел во тьме, мечтая лишь о том,
Что моя песня лишнею не будет
Ни в горе, ни за праздничным столом.

Можно повторить еще раз: верно, все очень верно, но главным образом для будущего. В то время одно из предубеждений Игоря Киселева состояло в том, что он думал: найти образное содержание и образную форму стиха не так уж трудно. Мысль об этом отчетливо выражена в цикле стихов о Пушкине, и она была тем более искренней, что стихи о великом поэте написаны с уважением и любовью к поэту. И в то же время в стихотворении этого цикла «Едва ли стало бы известно...» мы читаем такую строфу: «Все пело под его рукою - набросок, шутка, мадригал. Слегка касался он строкою и на бессмертье обрекал».

Увы, это пока что сам Игорь Киселев слегка «коснулся строкой» очень важной темы, и коснулся неловко. «Все пело под рукою» - сказано невыразительно. «Касался строкой» - неясно и неверно. Слово «обрекал» имеет смысл противоположный тому, который ему придал поэт. Но даже не

в этом главное. Никогда Пушкин не касался «слегка». Черновики его произведений свидетельствуют о том, что не давались ему «с налету» строки, что тщательно выверял он их, прилагая к вдохновению неустанный труд. Кстати, небрежная отделка Игорем Киселевым стихов, даже посвященных самому творчеству, заметна, скажем, в произведении «Когда горит и светится страница...» Вернемся к строфе «То встречи ждет, обещанной и давней, моя без вас ненужная строка». Нет смысловой, а, стало быть, и поэтической точности в этих словах. Если поэт еще только ждет «давней» встречи с читателем, то почему именно «давней».- Может быть, встреча уже состоялась? Можно ждать будущей встречи, но невозможно сказать «я жду давней встречи с вами». И все же стремление поэта к «нужной строке» было вполне оправданно. То, что он ставил себе образцом Пушкина, обещало многое.

Следующая книга, «Ярославна» (1968), свидетельствует о явном росте поэта. Рост его был обусловлен прежде всего расширением и углублением тематики, обогащенной опытом познания действительности и гораздо более точными суждениями о ней, а также более квалифицированным использованием эстетической, то есть конкретно-чувственной ткани искусства. Поэт стал приближаться к зрелости. Ко времени создания книги «Ярославна» поэт пришел к убеждению, что выход на просторы эпической поэзии должен совершаться не путем переложения политических событий и истин в стихи, а путем образного переосмысления явлений действительности, рождающих гражданственные настроения. И политическая эпика, и лирика от этого только выигрывают.

Пример тому - стихотворение «Мариинск». Оно появилось во второй книге и с полным основанием перешло в третью, потому что его написал уже сложившийся поэт. Два эти произведения родственны по своим эпическим признакам, по воспроизведению в них явлений общественно-политических. В одном случае Игорь Киселев славит героев целины, а в другом воздает должное строителям-умельцам и искусникам, оставившим по себе память созданием красоты - постройкой долговечных сибирских домов, украшенных затейливой резьбой, напоминающей удивительные морозные узоры на окнах. В «Мариинске» нет ни одного элемента пересказа, тут все пронизано теплым чувством и восхищением поэта, а сами сибирские строители даны не с помощью патетических восклицаний, а посредством раскрытия типических черт русского труженика-северянина с его обстоятельной медлительностью, с его высокой творческой фантазией, требующей раздумий, смекалки, глубокого понимания красоты. Содержание произведения оказалось близким по своему звучанию к фольклорной песне:

И вставал за ними дом,
Словно терем,
Чтобы сказки в терему
Оживали.
Тучи серые брели

В поднебесье,
Уходили мастера,...
Умирали.
И вставал за ними город,
Как песня,
Да такая —
Что сердца замирали.

Мастерство тут заключается и в том, что относительно частный факт поднят до высоты, вскрывающей известные черты русского национального характера, и в том, что найдена та мера изображения, когда словам тесно, а мыслям просторно, когда интонация восхищения идет не от назывной фразы, а просвечивает в каждом слове.

После «Мариинска» другие эпические стихотворения - «Старики» (были и в первой книге), «Переговорный зал», «Деревья в больничном саду» кажутся менее яркими, однако было бы ошибкой и в этих произведениях не видеть того нового, более объемного и значимого мира, чем тот, который ранее интересовал Игоря Киселева. Примечательны в этом смысле «Старики» - стихотворение, где изображение человека с доброй душой и само представление о доброте обогащаются тоже конкретными социальными признаками. Здесь особенно заметно, что сам поэт - «неисправимый гуманист» - с таким добрым и задушевым юмором рисует он образы революционеров старшего поколения, что не мешает ему, вновь отталкиваясь от частного факта, развить тему неразрывной связи двух поколений. Старики собираются на первомайскую демонстрацию. У них уже немного сил, и болезни их одолевают, а так хочется к людям, на праздник, так хочется вспомнить старое, посмотреть на новое. Очень отчетливо видятся нам эти старики, почти с детским нетерпением за неделю до праздника готовящие свои костюмы и рубашки, предусмотрительно принимающие валидол и сердечные капли, чтобы «не подкачать» в торжественный день, притворяющиеся совсем бодрыми перед своими домочадцами, чтобы их как-нибудь не задержали дома.

Поэт прокладывает в «Стариках» ту же верную линию своего поступательного движения к зрелости, которое характерно для стихотворения «Мариинск»: ничего от деклараций, все от чувства, образного представления - к единству этого представления с художественной мыслью. Так рождается волнение самого поэта, так оно передается нам в задушевных и очень значимых по смыслу словах о стариках:

Им уже не угнаться за маршевым шагом,
Нас они догоняют, смешно семеня,
Но такое упорство есть в шаге их шатком,
Что волнение охватывает меня.

Мы ощущаем доброту людей, подчас суровую, но всегда и во всем благородную. Как понимает поэт, она не однозначна, истинный гуманизм - это любовь ко всему живому, что окружает человека, что порождает в нем чувство единства мира. И становится понятным, почему в книге «Ярославна» появляются стихотворения о животных и птицах. Они требуют сочувствия и любви и сами по себе, и потому, что не может человек быть истинно добрым, если он отдает доброте лишь частичку души, и еще потому, что живой мир всегда и настойчиво напоминает самим людям о том, что в них плохо и что хорошо, какие чувства он может и должен развивать в себе, чтобы в его поступках всегда выступала, проявлялась истинно человеческая сущность. Пожалуй, последнее побуждение и является самым важным.

Стихотворения на эту тему не сведены воедино, но образуют определенный цикл: «Я не люблю охоту», «Дятел», «Баллада о нерпеныше», «Мамонт», «Дельфины». В первом из них лирический герой считает охоту «кровавой игрой», которая, не принося особой пользы, ранит человеческие души, нарушает естественную связь человека с миром животных и птиц: «Ни доблести, ни риска, - и говорить смешно, - от заячьего крика в глазах моих темно». Стихотворение «Дятел» развивает авторскую мысль: вот человек подстрелил птицу и нанес вред прежде всего самому себе. Бессмысленное и вредное дело не проходит даром, оно смещает что-то в душе, нарушает ее гармонию. Уже не может человек с открытым сердцем воспринимать красоту леса, уже нет в нем созвучности всему прекрасному в природе. Вполне естественно: чтобы всегда быть настоящим человеком, надо во всем следовать своей доброй сущности.

Стихотворений, пронизанных этой гуманистической мыслью, в книге «Ярославна» немало: «Начало пути», «Что такое стряслось с человеком?...», «Люди добрые! Не обессудьте...», «Дверь», «Человек в зеркале», «Стал уставать от шумных сборищ...», «Не знаю, под каким родился знаком...». Все они по-настоящему поэтичны, и каждое по-своему открывает ту или иную сторону одной идеи. Но все эти повороты как бы сконцентрированы в одном, внешне очень простом, незамысловатом произведении - «Песенке об одиноком фонаре». Оно с особой наглядностью показывает, что поэту стали гораздо более ясны законы превращения идеи и темы в нечто поэтическое и прежде всего - законы простоты, идущей не от слабости, а от умения сложное выразить просто. Такое умение достигается тогда, когда заветная мысль становится совершенно ясной, когда чувство, ее породившее, очищено от всего лишнего, второстепенного. Тогда становятся ненужными подробности, какие есть у Игоря Киселева в других произведениях о доброте, человечности. Все становится ясным, хотя только подразумевается, но и подразумевается именно потому, что поэтический сюжет, художественная символика открываются читателям в той же полной мере, что и самому поэту. Вот почему вернее было бы сказать, что «Песенка о фонаре», действительно просящаяся в песню и своим содержанием, и своей формой, является вместе со стихотворением «Есть женщины, похожие

на пламя...», обращением к которому и завершается эта статья, самым высоким достижением поэта на современном этапе его творчества.

Все действительно просто в «Песенке о фонаре». Вот человек смотрит на улицу, на столб с двумя фонарями. Один из них светит, а другой угас. Слышен на улице «тонкий плач ветра и дождя», и представляется человеку, должно быть, как скучно, одиноко светящему фонарю без своего напарника. Легко и заметно, без видимых усилий незамысловатый сюжет переводит поэта на другую параллель: может ли человек жить одиноко, без содружества с другими людьми, может ли «светить» только для себя? Нет, не может. Глубокое обобщение скрыто в таком простом отклике на вопрос о том, как должны складываться естественные человеческие отношения:

Просто должен кто-то быть
Рядом, свет любя.
Стоит ли гореть-светить
Только для себя?

Как дождинка в решето
Я скачусь во тьму,
Если не шагнет никто
К свету моему.

Можно не возвращаться больше к этой теме, хотя она удачно развивается и дальше, в третьей книге. Лучше пока поэт не написал ничего. А успех был снова достигнут осмыслением «маленького» факта-события, дающего возможности и права для большого обобщения. Поэт еще раз и теперь с особой убедительностью подтверждает: без человеческого содружества, без единого дыхания и общих стремлений нет и отдельной, подлинно человеческой личности.

Движение поэта вперед в книге «Ярославна» показывает и пейзажная лирика. Достаточно сопоставить уже упоминавшееся стихотворение «Апрель» с произведением из второй книги - «Клубника». Встречаются в поэзии произведения, которые «делаются» по какому-то предвзятому плану (такие есть и в первой книге Игоря Киселева), а есть и такие, которые пишутся от души, без оглядки на нарочитое «задание». «Апрель» - стихотворение первого рода. В нем открывается известная справедливая истина, что он еще не знаменует настоящей весны и лишь провозвещает ее некоторыми приметам и признаками. Стихотворение тщательно выверено по ритму, по рифмам и видится нам вполне грамотным. Но нет в нем ничего от личности поэта, от его индивидуального восприятия явлений природы, а потому нет и «перевода» этих явлений на поэтический язык. Все тут «литературно», и ничего не затрагивает чувства: ни утверждение, что апрель похож на дымок папиросы (явно искусственное уподобление), ни хрупкие льдинки, падающие наземь, ни чисто рациональное утверждение, что этот конкретный месяц - лишь «карандашный набросок весны».

Стихотворение «Клубника» противостоит повествованию об апреле, как творчество противостоит «искусственному искусству». Здесь сразу видно, что поэт все, что его взволновало, действительно увидел, прочувствовал. Тут и очень неожиданная и смелая метафора - «усталая молния» (коса), которую старик бросил в траву, тут и настойчиво, но уместно проводимые эпитеты «красный», «кровоавый», тут и яркая картина знойного лета с ослепительно красным солнцем, с краснеющими облаками. Тут и старик, в котором видится что-то колдовское, и цветочная гамма буйного расцвета природы:

После, лишь только закроешь глаза,
Красный под веками свет пролился.
Издали к тебе лес прикоснется:
Ягоды,
ягоды,
ягоды в солнце!

И это не одна удача. Можно указать столь же образно-точные пейзажи в таких стихотворениях, как «Половодье», «Бывают дни неясные...», «Далеко в захолустье...», «Лес в сентябре», «Зима» и другие.

Наконец, достижения поэта обнаруживаются и в лирике интимной. И тут отчетливо прослеживается процесс отхода от лирики «литературной», навеянной иногда не- осознаваемыми впечатлениями от стихов, уже кем-то написанных, - к лирике, идущей от самого сердца поэта и потому совершенно естественной и искренней. Среди таких хороших стихотворений, как «Снежный ветер поет у порога...», «Юность» и других, знаменательным является «Тихая песенка», по напевности, музыкальности своей и даже по некоторым приемам раскрытия темы напоминающая «Песенку об одиноком фонаре».

Как всегда и во всем, новое качество легче всего познается в сравнении. Уже говорилось о том, насколько далеко от подлинно поэтического выражения стихотворение из первой книги «Не о любви... Не о тоске...» Не спасает его и кокетливо «изящное» выражение «сердечная жаль». В «Тихой песенке» еще нет такого философско-раздумчивого оттенка, который будет так ясно выражен в будущей книге «Четыре дождя», но поэтический замысел выражен очень удачно. И содержание стихотворения очень простое, даже как будто не выходящее за пределы «чисто» лирических отношений. Однако подлинная значительность темы, проступающая изнутри, радость и печаль, слитые вместе, гордость, вызванная испытанными чувствами, готовность лирического героя к восприятию прекрасного в будущем и одновременно ясность и простота в воспроизведении сложных переживаний этого героя заставляют нас сопереживать с поэтом. Если и было в любви что-то не так, если до боли хочется вспомнить удивительное в прошлом и найти его в будущем, то пусть любимая перевернет прожитую страницу. Два по-

следних стиха составляют музыкальный рефрен, и песенка звучит мелодично и ласково:

Переверни ее туда,
Где самое начало,
И где веселая вода
В себе апрель качала.
И тополей припомни дрожь,
И окон вереницу,
А не поможет — ну так что ж,
Переверни страницу,
Переверни страницу.

Вот впечатление, оставшееся после знакомства со второй книгой Игоря Киселева. Если сказать, что поэт не стоял на месте, а развивался, то ответ будет правильным, но еще ничего не проясняющим. А в чем конкретно выразилось его движение вперед? Какими путями оно осуществлялось?

Уже говорилось о том, что мир познания действительности, а, стало быть, и поэтический мир Игоря Киселева расширился, обогатился. А за счет чего? Думается, что две области действительной жизни и их претворение в поэзию - больше всего заинтересовали автора второй книги, хотя в какой-то мере интерес к ним виден в книге первой - история и фольклор. Почему именно они? Потому, видимо, что поэт понял: зная прошлое, можно вернее судить о настоящем; потому что, зная фольклор, первоисточник искусства, - легче найти свой стиль, свою интонацию, свою поэтическую форму в целом. Такой путь расширения познавательного, эстетического кругозора не только поэты, но прозаики избирают нередко, и он, если есть дарование, всегда удачен. В первой книге «Перецвет» есть цикл из восьми стихотворений, посвященных Пушкину. Такая относительно близкая к нам история заинтересовала поэта не только потому, что он со стихами Пушкина и Рылеева сверял свое творчество, но и потому, что, отступив вдаль, можно пристальнее, зорче рассмотреть современность.

Надо прямо сказать, что пушкинский цикл никак нельзя отнести к творческим достижениям Игоря Киселева, поэтому, видимо, он и не включался в последующие книги. И все-таки он был необходим и полезен, без него путь продвижения вперед был бы труднее. Потому что бывает так, что писателю для его развития требуется разбег, хотя сам по себе он еще ничего не решает. А для нашего поэта история, даже если она и не нашла совершенного поэтического выражения в его стихах, была нужна для развития его познавательного и эстетического кругозора.

В восьми стихотворениях о Пушкине главный недостаток - описательность. Нам, разумеется, интересен каждый отклик на жизнь и творчество Пушкина, и поэтому мы не без удовольствия прочли такие произведения Игоря Киселева, как «Едва ли стало бы известно...», «Святки», «Оленька», «Непроезжими местами...», «Тригорское в замяти снежной...» Но авторская мысль в них не развивается дальше грамотного, но вторичного изложения событий и фактов, уже известных

средним по уровню познаний читателям. Поэт основательно и справедливо повторяет не требующую доказательства мысль, что беднее бы казались жизнь Пушкина и наше представление о ней, если бы мы не знали о женщинах, с которыми сводила его жизнь, о женщинах, «что так его любили и так прощали, разлучаясь»; поэт рисует святки, веселье Пушкина, катающегося на санках, а потом спешащего к письменному столу. При этом Игорь Киселев предлагает как стилевую поэтическую новинку рифмовку начальных, а не конечных слов в строках («А за... Вспыхнувшие глаза»), позабыв о том, что ее предложил В. Маяковский в 1912 году, а еще раньше него такой прием использовали итальянские футуристы. Далее поэт рассказывает нам о смятении чувств Оленьки Калашниковой, трепещущей от счастья любви.

И только два стихотворения в цикле созданы не приемом описаний, а путем верного осмысления фактов истории - «Псков» и «Декабристы». Тут есть запоминающиеся строки о древнем городе-воителе и о поэте, которому до сердечной боли были дороги и земля русская, и ее народ, отстоявший ее с муками и страданиями. Тема декабристов тоже тесно связана с Пушкиным.

«Пушкинский» цикл не бесплоден сам по себе и еще более значим потому, что дал толчок к развитию исторической темы в творчестве Игоря Киселева, именно к развитию, обогащению, хотя трудная дорога поэта не всегда вела к прямой цели. Так, традиционное описательство не исчезнет даже в его третьей книге («Моцарт»). Но уже «Ярославна» - стихотворение из одноименной книги - совершенно свободно от описательства, содержит глубокую мысль и художественно отточено. Историю, обращенную к будущему и прошлому, поэт видит собственными глазами, проводит сквозь свое собственное мироощущение и, что особенно интересно, связывает с суждениями о сущности искусства и о его судьбах. Бурный XX век, век техники и науки, по убеждению поэта, в своем непрерывном беге обгоняет искусство. Физик, охваченный духом научного творчества, далек от поэзии. И вот поэт, стремящийся доказать огромную значимость искусства, смотрит в прошлое, чтобы найти его истоки, показать связь времен и то неодолимое воздействие, какое оно оказывает на людей. И теперь уже реальная история России видится поэту. Живет она в старые времена мучительно и трудно, в тисках неволи:

Я шел Москвой, не верящей слезам,
Зловещий дух над зданиями реял.
Тут было столько слез, что я и сам, -
Нет, не слезам! - глазам своим не верил.

А была ли у этих истоков песня, были ли связанные с нею надежды? Да, были. И перед нами возникает обаятельный образ Ярославны, слышен ее великий песенный призыв и видно ее творческое озарение. Поэт прослеживает рождение все новых и новых русских песен, он видит связь веков: «А я все дальше увожу, к себе, в свой век далекий завлекая, и вот века мелькнули за веками...»

И вот наша современность с ее победоносным развитием техники. А жива ли поэзия, владеет ли сердцами людей искусство? Она жива, ее сила, ее красота проходят нетленно через всю историю. Неувядаемо в истории то, что служит развитию человечества. К такому убеждению пришел поэт, оценивая самое близкое и дорогое для себя лично - движение искусства во времени, обогащение его, заставившее физика признаться, что, несмотря на все его научные взлеты, он отстал от понимания прекрасного, не заметил его побед в нынешнем веке и тем самым преуменьшил для себя возможности освоения мира, обеднил себя.

В книге «Четыре дождя» познание прошлого у поэта еще больше расширяется, приобретает гораздо более острый социальный характер, хотя принцип оценки истории остается прежним: мы много знаем о ней, сохранили многочисленные имена различных деятелей, но всегда для нас истинно дорого только то, что ведет человечество к будущему. Таковы впечатления поэта от Узбекистана, нашедшие отклики в стихотворениях «Гроза над Самаркандом» и «У мавзолея Тимура». В первом из них есть известная издержка. Ложно многозначительны якобы философские авторские раздумья о судьбах Азии: «О, Азия! Что взор твой значит? Зачем так пристально глядишь? Как знать, какие грозы прячет твоя блистательная тишь?» Четверостишие, помимо этого, не имеет прямого отношения к поэтически сильному изображению грозы и уподоблению ее смертоносным походам несметной конницы Тимура. Зато во втором, раздумывая о смерти «повелителя вселенной», поэт верно понимает итоги исторического прошлого: имя «Тимур» потомки запомнили, а дело его поросло травой. Горит купол мавзолея, сверкает ослепительными красками, не потускневшими за четыре столетия. Но растет на нем изумрудная зелень, взошел в современности Тимур Гуроган молодой непобедимой травой. Ибо история значима не тем, что прославляет смерть, а тем, что утверждает жизнь. А человек в истории принимает не уничтожение, а созидание. Конечно, впечатления поэта от познания истории достаточно своеобразны: то перед нами эпоха пушкинская, то далекое прошлое, отраженное в «Слове о полку Игореве», то давние дела времен расцвета жизни монголов. Но некоторые отступления Игоря Киселева в историю были удачны и потому, что они порождали верные поэтические представления, и потому, что трудными и сложными путями обращение к прошлому обернулось более глубоким пониманием настоящего, что, может быть, неуловимо даже для самого поэта сказалось на содержании в форме второй и третьей книг, гораздо более зрелых, чем первая.

Столь же положительным было обращение и к фольклору. Игорь Киселев интересовался поэтическим опытом устного народного творчества с самого начала своего пути в искусство, хотя тоже с самого начала не избежал механического подражания фольклору. Однако и в данном случае были свои поиски, противоречия и был свой сложный рост. И сразу же, с первой книги влияние устного народного творчества пошло по двум основным направлениям: во-первых, поэт усвоил, что нужно учиться у

народа пониманию глубины явлений жизни в прошлом и настоящем. Во-вторых, нельзя овладеть поэтическим мастерством, не восприняв богатств народного стиля, неисчерпаемой лексики, разнообразнейших приемов использования поэтического синтаксиса, изумительной фольклорной образности.

В сборнике «Перецвет» такое отношение к народному творчеству проявилось прежде всего в стихотворении «Сказка». Как и следовало ожидать от поэта, еще только что «примеривавшегося» к теме, в истории о том, как человек, увидев отражение звезды в воде, всю жизнь искал звезду, но так и не нашел, разбившись о скалы, а золотой звездный осколок люди нашли в его сердце, сказочного очень мало. Скорее это литературное подражание - в произведении отчетливо слышна интонация баллад Жуковского. Зато в других стихах поиски поэта оказываются более плодотворными. «Стихи о словах» уже упоминались. В них великий исторический эпизод - поход Игоря на половцев - осмысливается и с точки зрения огромной ценности наследия прошлого, и с точки зрения не меньшего значения смысловой и стилевой традиции «Слова о полку Игореве». Оно вобрало в себя всю мудрость народа, все его гениальное творческое уменье. Вот почему в прославлении автора «Слова...» поэт поднимается до редкого у него одического пафоса:

Вот он гусли берет
С круглым ликом перунным,
Вот выходит вперед,
Ударяя по струнам.

И вершат колдовство, -
Чудный выпал им жребий, -
Десять пальцев его –
Десять соколов в небе.

Вот образец для каждого поэта, тем более, что и творчество Пушкина выросло на художественных завоеваниях «Слова...», на жадных поисках в самом народе верных и точных мыслей и слов.

По свидетельству самого поэта, выраженному в стихотворении «Сказка», он не мыслит без причастности к фольклору не только своего творчества, но и всего мироощущения. «Сказки», бесспорно, имеют признаки биографичности. А между тем в произведении говорится о том, что прежде всего они учили поэта пониманию мира, что сквозь фантастические покровы преданий, сказов и сказок выделась история родины, крепла и созревала любовь к ней. Они (сказки) поведали поэту о том, что «...стран на свете много, а родина у нас одна». В сказках «Росою синею - Россией - тропа заросшая вела. И доброта была в них сильной, а сила доброю была». Ясным было и признание поэта, что он учился

«...точности и слогу у сказочного языка», что народное творчество все строже и требовательнее учило его «и мужеству, и мастерству».

Теперь остается лишь выяснить - как сказалось увлечение Игоря Киселева устным народным творчеством на его собственной поэзии.

Прямые отклики на фольклор найти нетрудно. Они и в «Ярославне», и в стихах о Пушкине, и в стихотворении «Мариинск», почти полностью выдержанном в духе сказов. Нетрудно увидеть прямую параллель между народными песнями и таким стихотворением, как «Далеко в захолустье...», где все содержание и вся форма идут в одном ряду с повествованиями о «добром молодце», получившем от щедрой природы такие подарки: белое гусиное перо, струи родниковой воды, «а еще тишину и печаль».

Труднее определить опосредствованное влияние народного творчества на те стихи Игоря Киселева, в которых нет на него прямых откликов. Правдой будет то, что простота стихов, подобно той, которая есть в «Песенке о фонаре», в «Одинокой песенке» и почти во всех зрелых стихах Игоря Киселева, непосредственно не опирается на фольклорный стиль, но она - явный итог усвоения фольклора, такого усвоения, при котором поэт отвращается от вычурности, ложного экспериментаторства. Может быть, это звучит как парадокс, но писать просто - очень непросто, если простота подразумевает глубокое содержание и точную форму. Писать так Игорь Киселев научился.

В 1971 году вышла третья книга Игоря Киселева, «Четыре дождя», которая свидетельствует о дальнейшем развитии художественного мастерства поэта. В сборнике много новых произведений. Все темы, интересовавшие поэта прежде, находят развитие и здесь. На первый план неизменно выдвигается поэтическая мысль, в предыдущих сборниках иногда терявшаяся за мыслями прозаическими. Ее общественная заостренность ясна в постановке таких вопросов: как живет человек в современном мире, как растет его ответственность за судьбу своей страны и за всю вселенную. В книге лирика во всех разнообразных ее проявлениях, но ясно, что лирика философская, общественно-политическая составляет гласное содержание сборника.

В «Четырех дождях» нет слабых произведений, хотя и тут не все бесспорно. Остановимся на разборе трех наиболее характерных произведений сборника. Это - отрывок из поэмы «Беспокойство», «Баллада о третьих лишних» и «Есть женщины, похожие на пламя...»

В предыдущей книге Игорь Киселев уже как-то приближался к жанру поэмы («Ярославна»). Но то была «проба сил». Теперь поэт почувствовал большую уверенность в себе и, хотя напечатал лишь отрывок из поэмы, посвященный «памяти солдата революции Оскара Орбета», все признаки эпического произведения с конкретным героем и развитым сюжетом здесь уже налицо, причем в образе героя сконцентрировано много черт, ранее проявлявшихся только штрихами.

Главная черта образа Оскара Орбета, как и других учеников Ленина - беспокойство. Под этим словом Игорь Киселев понимает заботу людей

ленинской эпохи о судьбах советской Родины, соединенную с каждодневным стремлением до конца своих дней всюду и везде что-то делать для ее процветания. Образ такого революционера встает из этих строк:

Ритмом буден
И праздничным маршем –
Всем, чем живы, мечтаем о чем –
Мы во многом обязаны старшим,
Что встречались не раз с Ильичем.

Поэт проходит по приметным вехам жизни своего героя, все время сосредоточивая внимание на том, что был Оскар Орбет «прежде всего коммунист». Она очень скромна - биография этого «солдата революции», сражавшегося на полях гражданской войны, человека, всю жизнь стоявшего на охране завоеваний Октября, жившего в буднях мечтой о великом коммунистическом будущем и каждодневно участвовавшим в его созидании.

Поэма - жанр сложный и трудный. Но теперь Игорь Киселев, не умеющий в первой своей книге гражданственные мотивы переплавлять в поэтические, создал вещь, которая в своем замысле и исполнении прошла через сердце лирика. Здесь нет ни одной плакатно-декларативной, кричащей строки. И хотя мы имеем дело лишь с отрывком из поэмы, главное о герое сказано. А изображенный в ином плане, с другими конкретными признаками в стихотворениях «Высота», «Песня», «От стихов, от бессонниц, от улиц...», «Зависть», «Атака», «Поединок», лиро-эпический герой Игоря Киселева уже является нам, охваченный все тем же «беспокойством», зовущим к тому, чтобы всей своей жизнью оправдать звание гражданина своей страны.

Так лирика поэта приняла открытый воинственно-политический характер. Однако и в лирике сокровенной, интимной теперь звучит эта же идея «беспокойства» и вызванного им самого непосредственного участия в делах своей родины.

«Баллада о третьих лишних» открывает новые оттенки в интимной лирике. Она бывала у него и радостная, и грустная, воспевала счастье и сожалела о противоречиях и конфликтах в этой области сложнейших человеческих отношений. Но еще не бывало в его стихах спаянности глубокой печали и сожаления по поводу несчастий сердца (в данном случае «третьих лишних»), с уверенностью в жизнестойкости человека и преодолемости человеческого горя в слиянии с большим миром.

«Баллада» начинается повествованием о людях, наделенных всеми богатыми чувствами, но волею обстоятельств оказывающимися «лишними», когда другие так счастливы в любви. «Лишние» жестоко страдают, пишут стихи, следуют за теми, кого любят, без надежды. Сердца сокрушаются, муки не дают спать, но и такая несчастная любовь лишь ярче выявляет стойкость и силу людей:

Чертят схемы и формулы пишут,
Каждый думу таит об одном,
Что она, мол, узнает, услышит
И еще пожалует о нем!
А вокруг все дороги России...
Поезда, пролетая, орут.
А за тайной, за птицею синей.
Третий лишний уходит в маршрут.

Герой, не сломленный неудачами, пусть и жестоко страдающий, не может стать безучастным к большим делам, творящимся вокруг него. И в них рождается столь естественная для человека надежда, проникновенно и убежденно выраженная поэтом: что ж, любви на земле не бывает без «третьих лишних», жизнь не раздает счастье с той щедростью, которая была бы нам желательна. Но и у «лишних», уверен поэт, еще все впереди - «и надежда, и чудо», и им еще улыбнутся цветы и щедро засветит солнце.

Заканчивая разговор о любовной лирике Игоря Киселева, рассмотрим стихотворение, наиболее полно раскрывающее новые достижения поэта - «Есть женщины, похожие на пламя...» Открывая нам глубину лирического образного мышления поэта в единстве гражданственного и поэтического, произведение убеждает нас в том, что эстетические вкусы Игоря Киселева очень тонки и деликатны.

К сожалению, стихотворение портит одна тривиальная строка, свидетельствующая о том, что и у зрелого поэта бывают просчеты: создавая образ женщины, вкладывая в него всю силу нежности и уважения, он не избежал штампа - «прелестные, не отыскать прелестней». Строка не только штампованная, но и лишняя: это убеждение возникает у читателей от прочтения всего произведения. Во всем остальном оно - гимн в честь женщины, звучащий на предельно взволнованных нотах. Тут нечего анализировать, объяснять, все создано из целого куска, все отлито в точные слова-образы и все звучит как песня:

В них что-то есть от скорого свиданья.
Как светлый дождь, сквозят они во мгле,
В себе невозмутимо воплощая
Все лучшее, что было на земле.

Изменчивы, как небо, как погода...
И душу мне догадка обожгла,
Что в них украдкой смотрится природа,
Как в созданные ею зеркала.

Какими-то неуловимыми приемами, соблюдая такт, поэт добивается

того, что в образах таких женщин, пронизательных и в то же время доверчивых, как дети, женщин, сводивших с ума Блока и уводивших «пленником в метель», мы ощущаем все самое прекрасное в человечестве, всю красоту бытия, все самое драгоценное, что до смертного часа хранит в своем сердце человек.

Художественные детали, поэтические образы достигли в этом стихотворении совершенства. И, как ни покажется вначале странным, именно поэтому тема поэта кажется весьма глубокой, не отрешенной от общественного мира, а неразрывно с ним связанной. Читаешь произведение, а «беспокойство», опасение за сохранность мира и красоты на планете не исчезает, а усиливается более ощутимо, чем после прочтения отрывка из поэмы «Беспокойство». Поэзия не любит распространенных предложений. По ее законам можно расшифровать последнюю строфу: «Они (женщины) мерцают капельками света, так непредусмотрительно хрупки... И страшно мне, что сильный ветер века вот-вот погасит эти огоньки». Сквозь фразы, выражающие опасение за участь чудесных женщин, проступают ненаписанные поэтом, но напрашивающиеся строки, призывающие беречь и охранять все самое дорогое, нежное, прекрасное, что завоевано человечеством на земле. Думается, что Игорь Киселев написал такое стихотворение, после которого, прямо говоря, у него нет морального и поэтического права писать слабее по дыханию, по мыслям и чувствам, по тому уменью выразить их в художественных образах, какого он достиг. Завоевания и достижения поэта явны. Но нет ни у одного художника таких вершин, которые давали бы ему право остановиться и заявить: «Довольно, я сказал все». Игорю Киселеву тоже еще предстоит долгий, трудный, может быть, даже противоречивый, но перспективный путь к одолению новых вершин творчества.